

Цена
25 коп.

6-8-2-80

с. г. малаев
в. сидоренко

П

ЕРВЫЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

СТРАНА ДОЛЖНА ЗНАТЬ
СВОИХ ГЕРОЕВ

С. Гималаев
В. Сидоренко

П Е Р В Ы Е

1692

ЛАП
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗД-ВО
ХУДОЖЕСТВЕНН. ЛИТЕРАТУРЫ
ЛЕНИНГРАД 1931 МОСКВА

8
79

Обложка работы Г. Епифанова
Редактор И. Авраменко.
Техред Э. Бейлина.

7-я типография Огиза,
РСФСР им. т. Букарина,
Л е н и н г р а д.
ул. Мориссенко, д. 10.
Заказ № 843.

82 × 111 — 1/4 л. X-23. Огиз № 1213/Л.
Ленинградский областлит № 15125.
Тираж 5000.

С. Гималаев

Формовщик Капков

С виду он прост — обычная крепкая голова на широких ловких плечах, медный отблеск лица, на котором — смелые, упрямые глаза. Он в обкуренном пиджачке и полотняных обтрепанных штанах.

Таков Петр Капков — бригадир формовочной бригады Ленинградского завода им. Ленина.

Формовщик — это скульптор. Формовщик Капков настойчиво формует для машинной детали податливую землю.

Вокруг глыбами сгрудились опoki, будто земля взъерошена после родов. В руках Капкова карасик. Он гладит им земляное ложе, чтобы не было ни соринки ни бугоринки.

Из сорока шести лет своей жизни тридцать два гда Капков работает в литейном.

Когда-то, когда Капков был еще молод, в один из тяжелых дореволюционных дней на завод, где он тогда работал, приехал

короткий одутловатый человек. Он обходил цеха. За ним угодливо семенила плеяда прислужников. Одутловатый человек вошел в чугуно-литейную, сморщил хищный нос, постоял не более полминуты и, повернувшись, предоставил своему налитому кровью затылку сказать:

— Прощайте.

Это был хозяин.

С тех пор Капков стал ненавидеть хозяев острой классовой ненавистью.

Он участвовал в генеральной репетиции — революции девятьсот пятого года, брал за горло царизм, расчищал дорогу для весенней революции, кипел в бурном Октябрьском штурме и метелился в гражданской войне.

Сняв буденовку и поставив в укромное местечко винтовку, класс засучил рукава и принялся строить социализм.

Эпоха ворочала огромными опоками. Из просеянного людского материала выходил новый человек. Эпоха сжигала все ненужное, вонявшее капиталистическим старьем. Железными своими сапогами давила она и отшвыривала в сторону все тормозящее социалистическую стройку. Рыхлая, еле держащаяся на болезненных ногах, от ударов по башке закачалась кулацко-нэпма-

новская собственность, приседая и вопя, как старая базарная торговка.

Строят миллионы пролетариев. Руководит партия. И в числе этих миллионов — формовщик Капков.

Каждый день его принимала в свои исполинские объятия чугуно-литейная. И формовщик Капков делал машинные детали: цилиндры, барабаны, поршни для паровозов, судов, лебедек. Где-то потом эти детали оживали, пели и настойчиво делали свое дело.

Каждый год советский вырастал все ярче, каждый день советский рождал новые лозунги. Все больше преображалась пролетарская страна. Перестраивались люди и цвели новые боевые надписи на красных знаменах.

— Что же я? — думал Капков. — Как мне себя поставить?.. В партию бы...

Он не решался. Проверял себя. Медлил. Наступили бодрые дни ударничества. Быстрой завертелись трансмиссии, звонче стали ухать молоты, веселей запели станки:

— Догоним и перегоним капиталистический мир!

В цехах блекли старые традиции: покурить, поболтать, пошляться по цеху и раскачивать ногу по пятнадцати минут. Ловче

поворачивались люди, в жилах густела кровь, мускулы пружинились. Смылась «рассейская» рабская походочка вразвалку. Гибкими, цепкими, зоркими становились рабочие.

Напор и напор!

Класс делал новый поворот к социализму. Каждый квартал — борьба и победа. Партия ведет в бой миллионы. Бронированные батальоны социалистического труда — ударники — на передовых позициях. И в их числе — Петр Капков.

И это стало для него неизбежным, как неизбежно должна вертеться земля, — в 1930 году ударник Капков вступил в партию.

Изменился Петр Капков с тех пор, как стал партийцем. То ли кругозор стал больше, но он осознал, что, став в первые ряды своего класса, он принял на себя великое бремя ответственности.

— Ударник. . . — говорил Капков, и серые его глаза светились. — А как же иначе работать в наше социалистическое время? Как может хотя бы немного уважающий себя рабочий не быть ударником?

Раньше Капков терпел неполадки в цеху и относился к ним как к укусам комара.

Он ворчал, как обычно ворчит старый производитель, которому дорога каждая мелочь своего производства.

Случилось так. Получили ящик в шестнадцать килограммов шпилек, а дня через два их не стало. Находили их в формочной земле, пестрели они по всему цеху, брошенные, как окурки папирос.

— Товарищи, — раздался голос Капкова, — это никуда не годится! Мы не бережем государственное добро. Где работаешь — на своем заводе, или у хозяина-капиталиста?

Несколько человек одобрительно подержали Капкова. Но откуда-то из угла послышался едкий голос:

— Ого! Ишь, какой хозяин тут выискался!..

А сбоку фальцетом другой голосок озорно пропищал:

— Да, с тех пор, как стал партийцем, заважничал паря и язык снял с привязи.

Капков понял, что словами не проймешь. Много в цеху молодых рабочих, недавно пришедших на производство. Эту массу надо было отлить по новой форме.

И под несмолкающий лязг кранов, у огромной опоки, беременной судовым ци-

линдром, у Капкова родилась мысль о хозрасчете.

Хозрасчет убьет неполадки.

Восемь человек собрались и обсуждали предложение Капкова перейти на хозрасчет.

Бригада привыкла прислушиваться к голосу своего бригадира. Но, казалось, это предложение было диким и непонятным.

Упрямо вставали вопросы: сумеют ли выполнить промфинплан, сможет ли горсточка из восьми в огромном цеху самостоятельно работать на хозрасчете? А если будут простои? А если во время не поступят материалы? А если?..

Капков приводил доводы:

— Умей уплотнять время. Научись высчитывать. Зорче следи за качеством. Бережно относись к каждому гвоздику, к каждому грамму материала. Переделай себя.

Сегодня все соглашались, а на-завтра находились колеблющиеся:

— А если зарплата снизится?..

— А вдруг мы провалимся? Хватит ли сил?

Приходилось вновь расплавлять слова. Капков был настойчив... И однажды весть о переходе капковцев на хозрасчет прока-

тилась по всем цехам завода, взорвалась снарядом, ошеломила.

— Хозрасчетная революция в литейном!..

Революция рождала борьбу. Друзей было мало, врагов много. Пошли толки и дискуссии.

Капкову не поверили. Его систему едко высмеивали. Цеховая администрация недоуменно пожимала плечами и шучьим взглядом измеряла средний рост Капкова, размер его лба, ног, веселые заплатки на штанах и тупоносые пыльные башмаки.

Мастер Штыб был скользок на слова и никогда не уделял минутки Капкову для делового разговора насчет материала, места работы и плана.

Мастер неопределенно пожимал плечами и на ходу бросал:

— Мне некогда с вами разговаривать...

Этих первых дней перехода на хозрасчет Петр Капков долго не забудет. Никогда он не был так одинок. Даже жена, молчаливая, много пережившая с ним бед в царское время, восстала:

— Детей чем кормить будешь?

Капков спокойно и твердо шел к своей цели. Его глаза сурово поблескивали и на язвительные замечания он отвечал:

— Ну, что же...

Означало ли это вызов маловерам или то была безмолвная сдача позиций, это оставалось загадкой. И только иногда в беседе, в коротких брусках слов вспыхивала его упорная воля.

Дни упрямо шли вперед... Гремели и кашляли мостовые краны в литейном. Шуршала земля из-под сита. Люди копошились вокруг опок. Изредка плевал мутной водой насос. Земля в цеху то дыбилась плоскогорьями, то изгрызалась ямами, как после землетрясения.

Восемь работали ударно и ударяли быстрее, чем другие. Восемь меньше других курили, раньше приходили на работу.

— Ловчее ворочай своими рычагами, — говорил Капков. — Мозгуй, гляди в оба, чтобы не было брака. Он, шельма, бьет тебя же по карману...

Настало для капковцев тревожное время. Нет речного песка, шишелъная задерживает шишки, не хватает формовочной земли.

Пошли простои. Администрация знает, что простой по ее вине, но отказывается это зафиксировать. Мастер смотрит волком. Какой-то Капков заставляет и его быстрее поворачиваться! Хозрасчет вызывает на

плановое распределение материалов. Надо маневрировать. Новости какие!

— Программы не выполните, — шипел Штыб. — Мы вас на черную доску...

А кругом пламенели споры. Шкурники, подпевали мастера Штыба, громче всех рвали глотку. В цехах, в курилках, в столовых только и говорили о затее Капкова. Одни проклинали Капкова, приклеивали к его фигуре презрительные ярлычки, другие ждали результата месячной работы бригады, обещая, в случае удачи, тоже перейти на хозрасчет.

Был конец марта. Серый день докуривал свою трубку.

После гудка на заводском дворе рабочие окружили Капкова.

— Ну как дела? — спросил кто-то.

— Ничего. Работаем... — ответил он.

Кольцо прокопченных потных тел охватывало его, десятки пытливых глаз буравили лицо Капкова, выжидая ответа.

Какой-то паренек из недавно прибывших на завод, в набекрень надвинутым картузе, размахивая руками язвил:

— Не затанцует твоя кобылка. Не затанцует. Сядешь в лужу, прохвост этакий... И петухом пропел:

— Хоз-рассче-о-о-от...

Смеялись.

Упрямей стали морщины лица, суровой взгляд. Еще больше заострилась стрелка капковского носа. Тень легла между глаз. И только партийцы из цехячейки приветливо жали ему руку.

— Действуй, Капков! — говорил за-в-цехом коммунист Богопольский.

— Плотней сматывай время. Приналяг-те, капковцы! Нажми педаль. Не сдавай позиций!

К концу марта пришла победа. Капковцы выполнили свой промфинплан на все сто. Чугуно-литейная же в целом выполнила только шестьдесят семь процентов задания.

Притихли крикуны. Потемнели и стер-лись усмешки на их лицах.

Капкову поверили.

Неизвестный формовщик прославился. О нем заговорила рабочая общественность Ленинграда. К нему приходили какие-то люди с портфелями и без них и расспраши-вали о его системе.

Широкие и цепкие пальцы Капкова дер-жат бумажонку: расчет и план, экономия

и бережливость, борьба за качество и ра-ционализация.

Доклад Капкова с нетерпением ждут в клубе инженеров.

А он все тот же, светится что-то таящей усмешкой:

— Погоди, не того еще добьемся!..

Ленинград, ЛАПП.

Мастер Котельников

Он одним из первых пришел в разбитое без крыши помещение. Из этого огромного сарая с разломанным полом и без потолка нужно было сделать заводу еще одну мастерскую, и Котельников взялся за работу.

Высокий, тонкий, точно высушенный тяжелой болезнью, мелко семена ногами, он озабоченно мечется по мастерской. Коричневая кожа его лица туго обтягивает скулы и хрящеватый нос. Черная, козлиная борода заметно удлиняет подбородок. В бороде серебрятся тонкие нити седины, и издали кажется, что смоляные волосы небрежно прошиты белой наметкой...

С раннего утра рабочие муравьями рассыпались по сараю.

Одни рыли ямы для фундаментов станков, другие заколачивали досками поломанный пол. Целый день в сарае слышался стук молотков и лязг топоров. Из глубоких ям взлетали в воздух черные комья земли.

Котельников мечется среди людей и нервным движением руки сталкивает черную капитанку со лба на затылок и обратно.

Иногда он кричит, заглушая шум работы:

— Ваня, проверь подшипник! Он, кажется, криво сидит.

Парень в синей засаженной блузе, сидя верхом на железной балке, бросает ему вслед:

— Эх, чорт! — и увидит же! — И, проверив подшипники ватерпасом, удивлялся:

— И впрямь верно, поди не даром четырехглазый-то!..

Но мастер не останавливается долго на одном месте. Его голос слышится уже далеко, голос будто запутался в шуме и выпадают только отдельные слова:

— Приколоти... планку... повыше...

— Сень, сегодня собрание, не забудь...

После работы в темной каморке, похожей на прокопченный ящик, собрались три мастера и маленький актив рабочих.

На фанерном ящичке, заменяющем стол, тускло мерцал желтый язычок лампы.

Глубкие тени лежали по углам каморки.

Широкоплечий рабочий с круглым мясистым лицом открыл собрание.

— Товарищи! Завтра нам начнут привозить станки, придет слесаря...

Котельников, сидя на краю стола, аккуратно вынул из футляра роговые очки, сплюнул на стекло, протер платком и, снова положив в футляр, процедил:

— Инструментальную попросить надо... Инструмент подобрать.

— В какой срок? — спросил кто-то.

— После завтра... Нет... нет... к завтрашнему дню... — сокращая сроки, ответил Котельников. При каждом слове он взмахивал рукой, ловно что-то вколачивал в воздух.

— Вот... мне думается, — неуверенно сказал молодой рабочий, — нужно б хоча одну трансмиссию поставить, а потом, так сказать, вторую... третью.

Его перебил чей-то густой бас:

— Вторую тебе, третью?! С одним молотком да пилой?... Строй как хошь — если того нет, другого... А тебе вторую, третью!..

— Полно плакать-то... — сердито отозвался молодой рабочий.

— Нет, — так будет!.. — крикнул председатель.

На нижней его губе прилипла толстая самодельная папироса. Синяя струйка дыма резала ему глаза, — он щурился и кричал:

— В чем сила-то?! В нас она, здесь!.. — он стучал в грудь большим своим кулаком и повторял: — Здесь!

Когда все разошлись, Котельников окликнул его:

— Никифоров!.. Саша!.. Давай-ка примерим с тобой место для трансмиссии. Завтра рабочие придут, а у нас не готово...

Никифоров молча вынул из-за голенища сапога газету, оторвал квадратик и, свернув новую папироску, прилепил ее к губе.

— Ладно, останусь, — просто сказал он. Сердце старика радостно забилося, и его наполнило чувство близости к этому мало-знакомому человеку. Вышел Котельников из завода поздно вечером.

— А много ж в нас энергии!.. Работал бы, строил бы без конца, — думал он, осторожно ступая по мосткам.

«Родное все свое, товарищ мастер», — вспомнились ему слова Никифорова. Он лежал животом на балке, обняв ее ногами, и, размечая мелом, говорил:

— Трудненько нам, а достроим, чтоб на ять была мастерская... Эхма, силушка!.. Развернись-ка наша!..

Котельникову вдруг вспомнилось, как много лет назад, задолго до революции,

мастер — другой, не этот — ударив его как-то по голове тяжелым кулаком, кричал:

— Черти проклятые! Сила бестолковая! Без приложения ума работаешь...

Мастер свирепо выкатывал большие глаза цвета мутной воды и вертел перед носом Котельникова испорченную деталь. На пальце его сверкало кольцо. Кольцо било больно и жестоко.

— На что способны вы, черти!.. — орал мастер. — Жрать да спать и от работы бежать!

При этом воспоминании Котельникова охватила старая злоба. Мостки под ногами покачнулись. Мастер завертелся сверлом и исчез.

Котельников на мгновение закрыл глаза, и перед ним замелькали дни безработицы, как серые булыжники мостовой мимо мчащегося трамвая. Голодные дни точили здоровье, как ржа железо... Потом пришли — революция, фронт... И теперь он опять на своем родном заводе.

Старик вышел на большую поляну. С левой стороны в нее упиралась узкая улица, похожая на щель между домов. Невдалеке дымились трубы завода. Клубы дыма, как растопыренные пальцы, упирались в серое скучное небо.

— Вот тебе и без приложения ума работаем! — усмехнулся старик. Он еще раз оглянулся на завод и утонул в сумерках переулка.

Рано утром, задолго до гудка, сухая его фигура появлялась в пустом сарае. Кое-где неуклюжими буграми высились свежие белые ящики. Там были новые машины. Старик осторожно обходил ящики и медленно бродил между тяжелых стропил, заботливо ощупывая обшивки деревянных стен. На прокопченных стенах эти обшивки были как заплаты.

Среди груд мусора, развалин и ям человек казался погорельцем после пожара...

Басом проревел гудок. Он властно расползался по заводу, проникал во все щели, приносил с собой стук топоров, крепкие голоса людей и шум дневной работы.

— Гаврилу Гаврилычу... почтеньеце...

— Доброе... Здравие... Здравствуйте... — неслись навстречу старику приветствия. Он торопливо кивал головой и назначал каждому работу.

— Ты, Колюха, цементуй... только поживей-ка, — говорил он одному.

— Павел, ты крышу кончай, — кричал он другому и размахивал руками...

— Гаврилыч, дело есть, — подошел к нему низенький человек.

Шлепая толстыми губами, он сказал, указывая на собранный станок:

— Надо к нему планку припилить... А чем пилить, коли пилы нет? Пальцем, что ли?

Котельников молча одел очки, внимательно оглядел лицо слесаря, но продолжал молчать.

Тот, видимо, смутился. Переступая с ноги на ногу, он потупил глаза и рассматривал носки сапог. Сапоги были мокрые, и вода, стекая, образовала на полу лужу, похожую на вопросительный знак.

— Ну, чего молчишь? Продолжай плакать, — сурово сказал мастер.

— Да я... так сказать... Ничего, только вот коли б пилочку круглую...

— Точно вот... ничего... А то уже пальцем, — неодобрительно сказал старик и, сердито помолчав, добавил:

— Оставь эту работу — я пилу достану. Да слезы-то свои береги: пригодятся.

Сидя дома, старик задумчиво болтал ложкой в стакане и рассеянно глядел в окно, за которым сгущался вечерний сумрак.

В голове назойливо роились мысли. Воображение рисовало огромный будущий цех. Застекленный светлый потолок, растянувшиеся ровными аллеями станки. Рабочие торопливо вращают рукоятки, нагибаются к станкам, точно кланяются им...

Старик в восторге хлопнул ложкой о стакан — осколки рассыпались по столу.

— Батюшки!... Богородица!... — взвизгнула жена, пухлая, круглая женщина с короткими руками. Она всегда ходила подбоченясь, напоминая огромный кувшин.

Старик, смущенно собирая осколки, бормотал:

— Ничего, Маня, это так... Маленько приятно стало...

— Ты что-то теперь часто думать стал, а стаканов у нас уже мало, — съязвила жена.

Она вздохнула, вытирая полотенцем потное лицо, и помолчала.

На столе весело буянил самовар, со свистом разбрасывая курчавые струйки пара.

— Ты вот раньше-то при царе голодал, да не задумывался так, — продолжала жена, — а теперь будто рехнулся совсем, похудел, вон иссох как...

Ее голос напоминал старику комариный зуд.

— Да как же, Маня? Ведь радость-то какая! — сказал он. — Мы строимся... Сами строимся, Маня!...

Маня громко высморкалась в полотенце.

Котельников посмотрел на жену, безнадержно махнул рукой и задумчиво прихлебнул чай из нового стакана.

— Суседка уже кабана привезла, — вдруг сказала Маня. — Такой жирный... А когда, Гаврюша, нам привезут?...

— Завтра...

— Что завтра?

— Завтра поставим на место.

— А-а... — протянула она и поспешно спросила:

— А резать когда?

— Что резать? — удивился старик.

— Да кабана.

— Фу ты, дура! — рассердился Котельников. — Я про станок говорю... Тоже «резать», — передразнил он.

Перед сном старик вытащил из-под кровати ящик и присел на корточки. Потом осторожно открыл крышку — точно боялся, что она рассыплется в руках. На прибитых к стенкам ящика ремешках висел смазанный салом инструмент. Порядок в

ящике красноречиво говорил об аккуратности владельца и любви его к инструменту.

Старик осторожно вынул две круглых пилы и, завернув их в газету, задумался: «Отдать или нет?»

Завтра воскресенье, кладовая завода закрыта... Не стоит нести, но ему вспомнилось, как низенький слесарь, шлепая толстыми губами, говорил:

— Чем пилить-то будем, пальцем, что ли?

Котельников решительно захлопнул ящик.

Сильный ветер звонко шлепал в стекло окна тонкие струйки дождя, шарил по крыше дома и цеплялся за оторванную жесь. Она жалобно, по-собачьи, визжала.

— Ты куда, это, Гаврюша? — спросила жена, недовольно заглядывая ему в лицо.

— В завод...

— Все в завод да в завод. А с завода что, — начала было она, но старик рассердился.

— Цыц, баба, знай свое! — прикрикнул он, — а то в чужом деле кабанов разведешь.

Жена замолкла.

Ночью, лежа в кровати, она вдруг ска-

зала с сердцем, будто продолжая начатую фразу:

— Свое здоровье береги, а он «завод» да «завод».

Но, услышав сладкий, успокаивающий храп мужа, затихла.

Дождь перестал. Луна бросила тонкую полоску синеватого света на лицо старика. Он лежал на спине, задрав кверху бороду, и казалось, что сейчас задорно скажет:

— Ладно, баба, я еще повоюю!

Воевал он много.

Скоро на месте запущенного сарая выросла шумная мастерская. Еще недавно старик таскал сюда собранные во дворе завода болты, полосы железа, а сейчас здесь стояли новенькие станки, слышался веселый гул работы.

Котельников помнит, как однажды к нему подошел рабочий.

— Гавриил Гаврилович... Полосового железа нет, и на складе нет...

— Ладно, достану, — торопливо бросил тогда старик.

И пришел в мастерскую потный, усталый, волоча на спине железо. Казалось, что он запутался в длинных его полосах.

— На-те, — просто сказал он. — Собрал во дворе. Только лучше работайте, мы все найдем...

Дни мелькали.

Он кружился в их вихре, не замечая самого себя. Иногда ему казалось, что он незаметен в производстве, что строительство требует более сильных людей, казалось, что он слабеет, теряет силы...

Но эти сомнения продолжались недолго.

Однажды было партийное собрание. Котельников сидел на столе свесив ноги и слушал.

Квадратное помещение конторки с одним тусклым окном было тесно набито людьми.

Голоса сплетались в общий гул, отчего в комнате казалось еще тесней.

Вдруг мелким бисером рассыпался звон колокольчика. Голоса оборвались. Было слышно, как далеко в мастерской глухо ворчал подъемный кран.

Говорил высокий, вихрястый рабочий — отсекр цеха.

Его тонкое, остроносое лицо, с ярким румянцем, было сосредоточенно, хмуро.

— Сегодня перед нами поставлен важный вопрос, — говорил отсекр, нервно встряхивая головой...

Люди насторожились, вытянули шеи.

За дверью, разрывая тишину, далеко ревел фрез. Казалось, что где-то на крутом повороте рельс визжали трамвайные колеса.

— Вы слышите, как он грызет железо? — сказал отсекар. — А ведь надо помнить, что без нас он не заскрипит. Игнатов не запустит привода — не завертится станок...

Игнатов, попыхивая трубкой, шаркал о пол ногой.

— Верно, брат, сказано... — пробурчал он, бросая вокруг самодовольный взгляд.

— А партия нам сказала, — продолжал отсекар: — «производственник, подумай, как заставить станок веселей вертеться, чтобы вместо пяти машин нам сделать десять».

Котельников уперся руками в колени и всем телом нагнулся вперед, точно собирался прыгнуть. Брови полезли на лоб, округляя глаза.

Он услышал новое, очень простое, но такое, о чем раньше не думал. Отсекар умело взборонил в мозгу старика плодотворную почву для всхода новых мыслей. Она разрасталась во всю свою ширь, наполняя его тело новой энергией и молодой силой...

В прениях он громко кричал, энергично размахивая руками:

— Старикам и молодым подумать надо... Верно, что без нас не завертится станок... Мы есть люди, — значит, с мыслями и все такое, а станок, что железо, он без понимания...

Про себя он решил:

«Нужно изобрести такое, чтоб польза была. Практика у нас — клад цельный...»

С этого дня мысль о рационализации производства крепко засела в его мозгу, порождая вереницу разнообразных планов.

Он их сам критиковал, отвергая один за другим:

— Не годится... пользы нет, — решал он, разглядывая чертеж или какой-либо станок. И скоро начал работать над одним изобретением.

Время шло.

Мысли об изобретении, суeta трудовых дней вихрем кружили Котельникова. Они вливали в его существо могучую волну энергии и точно молодили.

Часто по ночам он вскакивал с кровати, зажигал свет и, сидя у стола в одном белье, жадно читал чертежи.

Давно зеленым полем стелились они на круглом столе, на диване, на подоконнике...

В ночь перед сдачей изобретения он, ле-

жа животом на столе, рисовал эскиз. На полу вокруг стола были разбросаны обрезки бумаги. Из-под карандаша расползались черточки, линейки — они медленно, но верно слагались в чертеж. Котельников с силой тер резинкой бумагу и громко сопел.

Из полуоткрытой двери в спальную крадучись вползал шопот жены:

— Господи... Иисусе! — измаял душеньку свою он, господи!..

Но Котельников, казалось, ничего не слышал. Изредка опасливо озирался, точно боялся, что кто-нибудь отнимет у него бумаги.

— Гаврюша, милый! Господи!.. Не мучайся, — нерешительно оборвал тишину голос жены.

Котельников вздрогнул, точно его ударили в спину.

— Цыц, дура! — рассердился он.

И снова расползались по бумаге черточки и линейки...

Чертеж был окончен.

Однажды в шуме станков его окрикнул токарь. Это был жизнерадостный человек с кривыми ногами. Ноги его, приставленные одна к другой, напоминали букву «о».

— Здравие, товарищ мастер! Второй день вашим приспособлением работаю, —

аж дух хватает! — сказал он. — Эх, теперь гони меня, толкай прочь от станка, я драться буду, а не уйду!..

Сердце мастера, словно порвав пути, забилося легко и свободно.

— Да что ты? — вырвалось у него. — Значит, удачно?

— Как же, — говорил рабочий, вытирая со лба пот, выступивший от волнения. — Раньше вытачивал двадцать втулок в день, а теперь помножь на три, да и то поди мало будет. Как с пулемета летят!..

Как-то в день своего отдыха, по обыкновению рано проснувшись, Котельников с трудом приподнял голову с подушки. Сильно ныла спина, точно после побоев, и хотелось лечь и так вытянуть ноги, чтобы затрещали кости.

Где-то далеко ревел гудок.

«Прорыв у нас... Разве с прорывом чего построишь? Итти надо», — подумал он, растирая ладонями колени.

Было слышно, как шлепала туфлями за дверью жена, звеня посудой. В комнату вливался запах горячего хлеба.

Покой и тишина манили прилечь, потянуться, уснуть.

Котельников обвел тяжелым взглядом

комнату и устало опустил голову, точно на нее давила какая-то тяжесть.

«Стар я уже стал, — думал он. — Летят дни, годы-то не остановишь... А ведь нужен я еще работе».

В ворохе мыслей где-то глубоко шевельнулся вопрос:

«Разве прилечь? Не пойти, что ли?»

Зло зашипели часы, точно собирая силы для звона.

«Раз, — отметил Котельников, — половина восьмого наверно».

— Гаврюша, чай готов, — раздался голос жены. В квадрате двери появилась ее кувшинообразная фигура.

— Ладно, закрой дверь, — бросил он и сразу поднялся с кровати...

Яркие струйки солнечного света сочились сквозь занавеску и причудливыми узорами расстилались по полу, колыхаясь точно живые. Босой ногой старик задумчиво растирал на полу солнечный блик и думал:

«Спокойно все дома. Отдыхать бы так, тихо без мыслей...» Но ему тут же вспомнился бурный цех, станки. Выплыло лицо токаря с кривыми ногами.

«Что с пулемета втулки летят, — люблю здорово», — говорит токарь и растягивает рот веселой улыбкой.

Часы снова зашипели и неожиданно пробили семь часов.

Старик обрадовался.

«Еще не поздно».

Он весь горел желанием бежать скорей туда, где ревет гудок.

Он крикнул жене:

— В постели заводы не строили. Обедать не жди, — и выбежал из дому.

У ворот завода к нему подошел бригадир. Он подошел неуверенно и с сердцем сказал:

— Хотя от бригады отказывайся. За нее отвечай, а Бобрыкин ни тебе совести ни стыда не имеет.

— Что такое? — удивился Котельников.

— Да как же, у нас, говорю, прорыв, работа ждет, — а он говорит: «у меня свой прорыв, хозяйство в колхоз забирают, так мол, работайте сами».

— И сегодня не придет? — угрюмо спросил Котельников.

— В этом главное-то... Сегодня будем всю ночь напролет работать. — И, сплюнув сквозь зубы, бригадир добавил: — а может, он придет сегодня, кто его знает?

Перед концом работы дневной смены, бригадир опять подошел к Котельникову.

— Бригада в ночь остается — до утра. Уломал их. Из молодых есть шальные — ничего не сделаешь. А тут еще весна и всякое такое... Трудно, а уговорил...

— Ну, это хорошо. Что же тебе надо? — спросил мастер.

Бригадир молчал. В нерешительности он дергал козырек фуражки, насовывая ее на лоб...

— Видишь ли, Гаврил Гаврилыч, — промышчал он. — Работа ударная предстоит, а Бобрыкина-то и нет. Не вышел, а он главный болтик у нас... Выдерни его — машина стоп тогда.

Котельников мрачно слушал бригадира и нервно теребил пуговку пиджака. Вдруг его лицо просветлело и, отчеканивая слова, он сказал:

— Ладно! Все болтики на месте будут. Скажи своим.

Он круто, на каблуках, повернулся и пошел в конторку...

Бригадир посмотрел ему вслед широко раскрытыми глазами.

— Чего он? Рехнулся... что ли?... — удивился он.

— Ты что рот открыл? — Ворон тут нет, — услышал он вдруг знакомый голос. Возле него стоял отсекар.

— Да... как сказать... Дедка-то наш не того... — пробормотал бригадир.

— Что не того?

— Из головы шайбочки растерял.

— Почему это? — не понял отсекар.

— Да как же!... Я ему говорю, что в ночь подручного не хватает, а он говорит — «ладно... все будет». Родит он, что ли?

— Родит не родит, а уж знает. На то он и мастер, — сказал отсекар. — А ты вот что: соревнуйся-ка с бригадой Варламова... Они тоже в ночь остаются.

— Ладно. Будет, — согласился рабочий. — Только вы там везде гайки подкрутите.

— Идем вместе!

Между двумя верстаками, спинами друг к другу, стояли слесаря. Некоторые пилили зажатые в тисках детали и, равномерно покачиваясь, нажимали на пилы. Двое у крайних тисков рубили железо; они высоко вскидывали блестящие ручники и без промаха опускали их на затылки зубил.

Один из рабочих, Сеня, коренастый парень с мускулистой шеей, увидев отсекара, положил молоток на верстак.

— Здорово, хозяин!

— Здорово, приказчик! — шутливо ответил отсекар... — Давай-ка в «шабаш» летучее собрание устроим...

Отсекара окружили.

В воздухе сплетались стук молотков и скрип пилы. Изредка из вороха звуков выпадали голоса людей.

— Давай... начинай! — крикнул кто-то из толпы.

Звонко прозвучал удар колокола.

Шум стих, словно рассеялся в воздухе. Первая смена пошла домой.

— Так вот ребята, — начал отсекар. — Сегодня вы должны показать ваши ударные темпы. У нас прорыв... Ваша бригада да еще Варламова только и могут зашить прорыв. Сегодня к чорту солнце и весну — завтра погуляем!

— Брось заливать! — перебил его рыжий слесарь, сидевший на верстаке, болтая ногами.

Его лицо было обрызгано веснушками, точно изъедено ржавчиной.

— У меня с Сенькой билеты в театр, а ты — «завтра погуляем», — бурчал слесарь.

Отсекар молча раздвинул руками толпу и вплотную подошел к театралу.

Рыжий смутился.

— А ты знаешь, что сегодня месяц кон-

чается? — Вы в театр пойдете, — без вас прорыв не ликвидируем, — тихо сказал отсекар.

Слесарь молча болтал ногами. Его приятель, Сеня, лениво промямлил:

— Все равно не выполним. Кто на этих тисках работать будет? — он указал на пустые тиски Бобрыкина и пожал своими широкими плечами.

— Кто вместо него?

— Я, — раздался хриплый голос.

Все обернулись. У верстака стоял Котельников, натягивая на себя синюю блузу.

— Чего смотрите? Диво, что ли, — спросил он, улыбаясь. — Для себя... работаем... Не на чужого дядю — на себя.

— Становись к тискам! — весело крикнул бригадир. — Мы здесь прорыв зашьем... Ну-те-ка по местам!...

Рабочие молча разошлись к тискам. Раздались первые редкие удары молотков. Удары сначала падали медленно, не спеша, как крупные капли дождя перед ливнем. Котельников обрубал небольшие детали и быстро сменял их в тисках. Готовые он бросал на верстак, собирая из них конусную горку.

— Ну-ка, нажмем! Нажмем-ка, ребята! — покрикивал он и с силой взмахивал молотком.

Опять, как утром, заныла спина, но старик крепился.

Казалось, что он выдергивал молоток из-за спины, метко попадая в зубило, которое держал перед собой левой рукой. Зубило своим острием рассекало металл, зажатый в тисках.

В воздухе все веселее раздавались удары молотков.

Рыжий слесарь, смочив под краном голову, кричал старику:

— Догоню вас — шутите!

— Давай-ка! кто кого? — отзывался мастер.

— Я рубить — ты пилить!

— Ну-те-ка!

На лбу рыжего холодно блестели капельки пота; он взмахом руки стирал их и рубил снова...

— Вот-те и на, отстать-то совестно, — смеялся Сенька, но рыжий не слушал.

Далеко за полночь, когда стеклянные квадратики крыши окрасились в голубоватый цвет, пришел круглолицый с пушистыми усами слесарь бригады Варламова.

— Ну, вам чего помочь, что ли? — пробасил он, лукаво улыбаясь.

— Не отстанем. Мы кончаем, — недовольно огрызнулся рыжий.

Он суетливо кружился вокруг тисков. Пила змеей мелькала в его руках.

— Мы, брат, с папашей поднажмем! — кричал он, выливая кружку воды себе на голову и продолжал рубить.

Успех работы бодрил его.

Молодежь перекликалась, вливая живую, бодрящую струйку.

— Сенька, чего тянешь? Давай живей! — кричал кто-то.

И Сенька давал живей.

К утру Котельников заметно стал слабеть. Перед глазами появились красные круги и закрывали собой блестящий затылок зубила... Изредка зубило блестело серебряной монетой, и он опять торопливо бил молотком, но красные и синие круги появлялись снова. Верстак вдруг пополз, пол покачнулся, будто исчезая из-под ног, и старик упал.

Когда он раскрыл глаза, вокруг тесным кольцом стояли рабочие.

Кто-то держал на его голове мокрое полотенце. Холодные капли воды катились по щекам старика и вызывали в теле неприятную дрожь.

— Закончить... там... надо... — прошептал он сухими губами.

— Все в порядке, папаша, — ответил

кто-то. — Домой тебя свезем. Раз болен, к чему приходило было!

Рабочий сказал еще что-то, но старик не расслышал: в ушах стоял назойливый шум. Казалось, что рядом работал огромный мотор и в его шуме тонули мысли...

Старик слег и болел долго. Болезнь оставила одни кости, обтянутые сухой коричневой кожей...

В день его выхода на работу было цеховое собрание.

Отсекр говорил простые, запоминающиеся слова.

— Мы строили цех, собирали его. В нем заложены наша сила, здоровье, — говорил отсекр, кивая головой, точно кланяясь всем.

Котельников примостился на высоком станке, позади всех. Он, подставив ухо, жадно ловил слова.

Отсекр рисовал картину героической борьбы за планы, за стройку.

— Мы ударники... почти все. Но среди нас есть лучшие, достойные почета, — говорил отсекр.

— Знаем кто! — закричали кругом.

— Видим!

Толпа зашевелилась.

— Товарищи! — крикнул отсекр. — Луч-

шего из нас правительство награждает орденом Ленина.

— Вон лучший из нас.

Все обернулись к станку, на котором сидел Котельников.

Старик испуганно съежился, точно ожидал удара.

— Кто скажет против него? — спросил отсекр.

— Голосуй! — крикнул кто-то.

— Кто за Котельникова, Гаврила? — Отсекр веселым взглядом обвел густой лес вздыбившихся жилистых рук.

— Против кто?

— Никого, — ответили из толпы.

Котельников сполз со станка и направился к отсекру, разводя перед собой руками, точно пробираясь в кустах.

— Слово дай, — проговорил он дрожащим голосом.

Нужные слова ускользали из памяти... Ему хотелось благодарить всех, кричать от радости, но махнув рукой, он только сказал:

— Не могу я, товарищи... Уж больно радости много за родную бригаду...

Он тяжело дышал и зачем-то поправлял очки.

Завод „Красный Путиловец“.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
С. Гималаев — Формовщик Капков	3
В. Сидоренко — Мастер Котельников	14

4